

НОВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

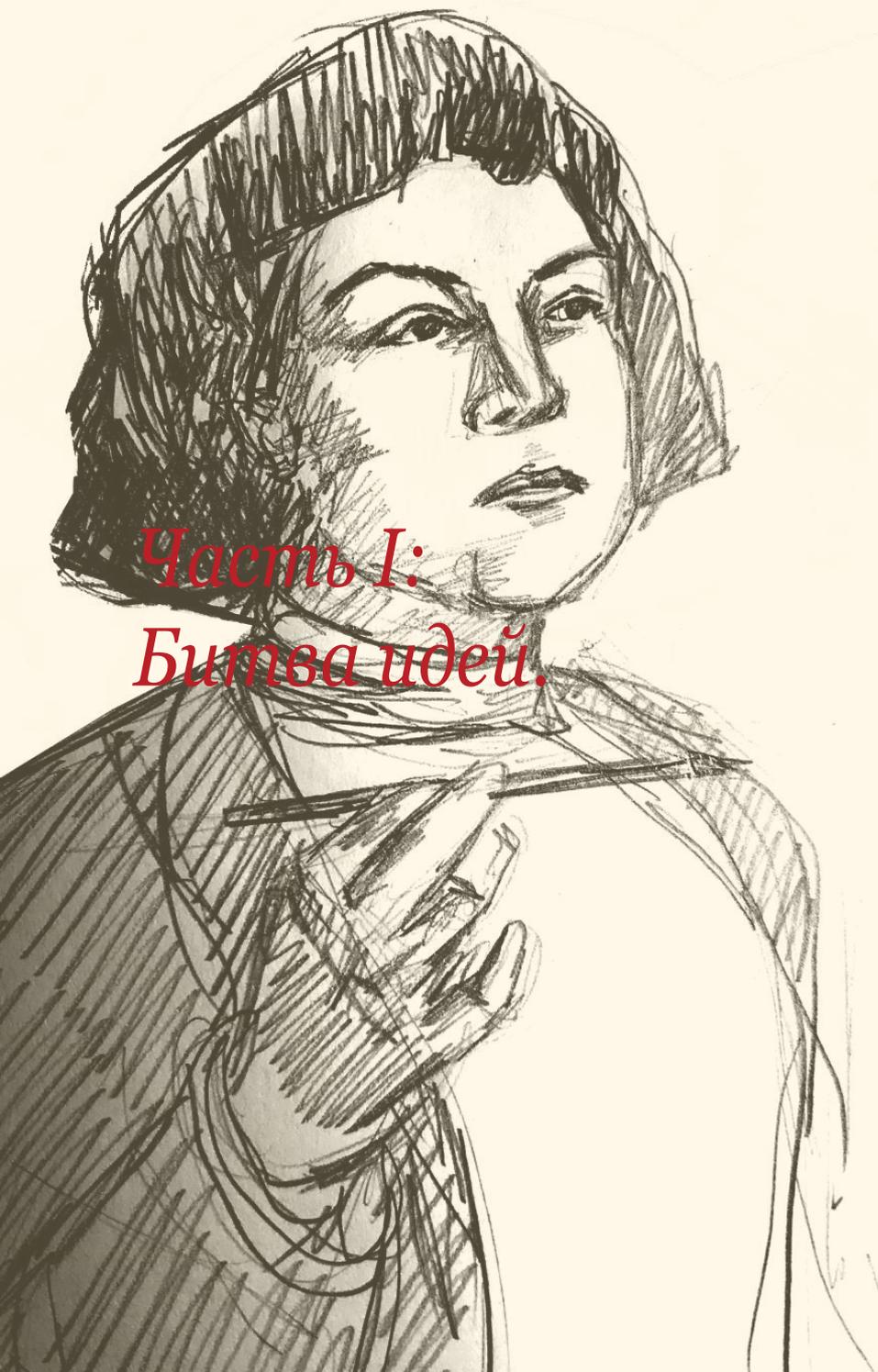
Досье #13
Tricontinental:
Институт социальных
исследований
Февраль 2019

26 JUNE

Обложка (по часовой стрелке слева вверху): Андрэ Буен, Мариэль Франку, Винни Мадикизела-Мандела, Уго Чавес, Анна Джулия Купер, Александра Коллонтай, Вильма Эспин, Анахита Ратебзад, Франц Фанон, Годавари Парулекар и Фридрих Энгельс.

Куда бы вы не посмотрели – везде пропасть. Непреодолимый экономический кризис, глубокие социальные проблемы и проблемы окружающей среды охватывают планету, которая сама находится под угрозой климатических катастроф. Либерализм пожимает плечами в лице этих проблем, уже десятилетия назад сдавшись на милость монопольного капитализма. Сильные люди: Путин, Эрдоган, Дутерте, Трамп, Моди – выступили вперёд, как спасители, повсюду: от Соединенных Штатов до Бразилии, от Филиппин до Польши. Кажется сложным отыскать новые идеи, особенно те, которые смогли бы зажечь искру надежды на будущее. В этом контекст нашей работы в Tricontinental: Институте социальных исследований. В этом нашем 13-ом досье мы предлагаем короткий обзор нашего понимания нашей работы – нашего участия в битве идей и нашей преданности делу создания новых интеллектуалов. Эти два аспекта: Битва идей и новые интеллектуалы – занимают первые две части нашего досье. Третья часть предлагает короткую дискуссию нашего настоящего политического контекста и предлагает обзор наших проблем и исследований. Мы будем с нетерпением ждать вашего отзыва на наше приглашение к диалогу.

*Часть I:
Битва идей.*

В 1999 году Фидель Кастро представил на обозрение широкой общественности свою концепцию «Битва Идей». События, которые проходили в то время, вынудили Кастро начать общественную кампанию о понятии идей и морали: развал Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и его влияние на Кубу.

(1) Развал СССР.

В 1991 СССР, пришедший в мир как результат Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, перестал существовать. С развалом Советского Союза, Соединенные Штаты и их близкие союзники предстали победителями в титанической борьбе за определение пути для человечества. В это время, молодой служащий госдепартамента Соединенных Штатов Фрэнсис Фукуяма использовал свое понимание Г. В. Ф. Гегеля (1770 – 1831) в качестве аргументации того, что мы вступили в новый период: “конец истории”. Никакой другой путь теперь был невозможен. Настоящее будет продолжаться вечно. Элементы настоящего, которые были первостепенными для Фукуямы:

- (1) Мировой порядок с Соединенными Штатами и их союзниками как его доминирующие силы.
- (2) Политика свободного рынка, которая будет гарантом постоянства монопольного капитализма.
- (3) Необходимость распространения либеральной демократии в страны, которые до сих пор находились во власти авторитарных и монархических режимов.

Марксизм был оставлен в стороне Фукуямой и другими. Теперь на него надо было смотреть как на анахронизм. Социализм и коммунизм, они предполагали, были побеждены в ходе Холодной войны. Развал Советского Союза для них был капитуляцией в великой исторической битве, которая была начата в 18 веке революциями во Франции (1789 – 1799), в Гаити (1791 – 1804) и в Соединенных Штатах Америки (1775 – 1783). Эти революции, аргументировали Гегельянцы 20 века, начали дебаты между идеями свободы и равенства. Идея свободы утверждала, что индивидум должен был быть защищён от вмешательства в его жизнь государства, в то время как идея равенства предлагала, что все инструменты (в том числе и вмешательство государственной власти) должны были использоваться, чтобы создать более эгалитарный мир. Грубо говоря, силы равенства (те кто боролся за строительство социализма) проиграли в начале 90-х, в то время как силы свободы (те кто хотел позволить капитализму свободное господство) провозгласили триумф.

В контексте этой победы Соединенных Штатов, Кастро сказал, что эта новая эра заставляет левых вступить в битву идей и дать бой неолибералам, которые хотели создать мир, который будет игровой площадкой для богатых. “Идеи буржуазии удушающи”, — говорил Кастро. Они утверждают, что психосоциальные интересы людей можно свести к жадности, что максимизация прибыли, как эмоциональный диапазон бизнесмена, может объяснить все аспекты человеческого поведения. “Они верят”, — сказал Кастро в Каракасе (Венесуэла), — “что человеческие существа — это животные, движимые морковкой или подхлестыванием кнута”. Неолибералы не видят, что люди куда сложнее:

мы любим, заботимся, думаем и размышляем. “Это тот уровень, на котором мы должны вмешаться”, – говорил Кастро, – “как на политическом, так и на геополитическом уровне. Двери академий медленно закрылись для мира Марксизма и других теорий освобождения. Это был тот контекст, в котором Кастро и правительство Кубы запустило Битву Идей, битву способную защитить креативность и показать необходимость марксизма. Здесь можно было бы поспорить, и здесь Кастро процитировал своего героя Хосе Марти: “Баррикады идей были так же необходимы, как и баррикады из камней – борьба в различных культурных и интеллектуальных учреждениях также важна, как и борьба на улицах”.

(2) Влияние развала Советского союза на Кубу.

Развал СССР поставил Кубу перед рядом очень сложных проблем. Говоря простым языком, Куба опиралась на поставки Советским союзом риса и пшеницы. С развалом Советского союза доступ Кубы к муке снизился, в то время как экспорт сахара в СССР и Восточный блок значительно упал. В 1991 году новый президент России, Борис Ельцин, прекратил всю поддержку Кубе. Кубинский импорт снизился на половину между 1990 и 1993, в то время как их ВВП сократился на 35%. Это было катастрофой. На четвертом партийном съезде в сентябре 1991 года Кастро сообщил своим товарищам, что разваливающийся СССР был не в состоянии выполнить 42% своих контрактов. Это повлияло на модернизацию оборудования и доставку муки в пекарни. СССР и восточноевропейские страны, которые до этого, предоставляли корабли для перевозки кубинских продуктов (цитрусы, сахар) на базе солидарности, теперь просили плату в твёрдой монете. Это было невозможно для Кубы. Эмбарго Соединенных Штатов ужесточилось, и изоляция Кубы увеличилась.

Это был тот сложный контекст, когда Куба вошла в то, что называют «Специальный период» в мирное время. «Специальный период» был призван подчеркнуть необходимость в новой политике и в глубоких жертвах, чтобы уйти от какой-либо зависимости от СССР и восточной Европы и добиться большей автономии для Кубы. Новая политика варьировалась от создания большей самостоятельности в одних секторах экономики к большей зависимости от внешнеэкономического содействия (включая туризм) в других. Положительные моменты специального периода можно отметить в продвижении самодостаточных агроэкологических хозяйств, в создании новых способов использования окружающей среды без её уничтожения (включая протяженный Кубинский коралловый риф) и в поддержке возобновляемых ресурсов для энергообеспечения Кубы. Но этого было недостаточно для того, чтобы решить непосредственный финансовый кризис в стране. Куба, из необходимости и вопреки своим убеждениям, была вынуждена продвигать туризм и добычу природных ископаемых.

Кастро и Кубинское правительство не могло найти постоянного решения уязвимости Кубы — зажатые американским эмбарго и неспособные найти глобальных союзников, с которыми можно было бы торговать на принципах солидарности. Битва идей предложила механизм оживления народных масс против идеологического замешательства, которое вызвали: туризм, добыча природных ресурсов и экономическая нищета. Коммунистическая лига молодёжи взяла на себя лидерство, защищая коммунистические ценности через массовую борьбу, чтобы разъяснить роль империализма в экономическом удушении Кубы. Такие мобилизации, как компания за освобождение Кубинской пятёрки (задержанных в Майами по обвинению в шпионаже), и

26 JULIO

компания по возвращению Элиана Гонсалеса обратно на Кубу вызвало энтузиазм у кубинской молодёжи.

В 1991 году в интервью мексиканскому журналу *Siempre* Кастро сказал, что социализм — это больше чем ответ на материальные лишения, и что СССР не удалось внедрить Битву Идей,

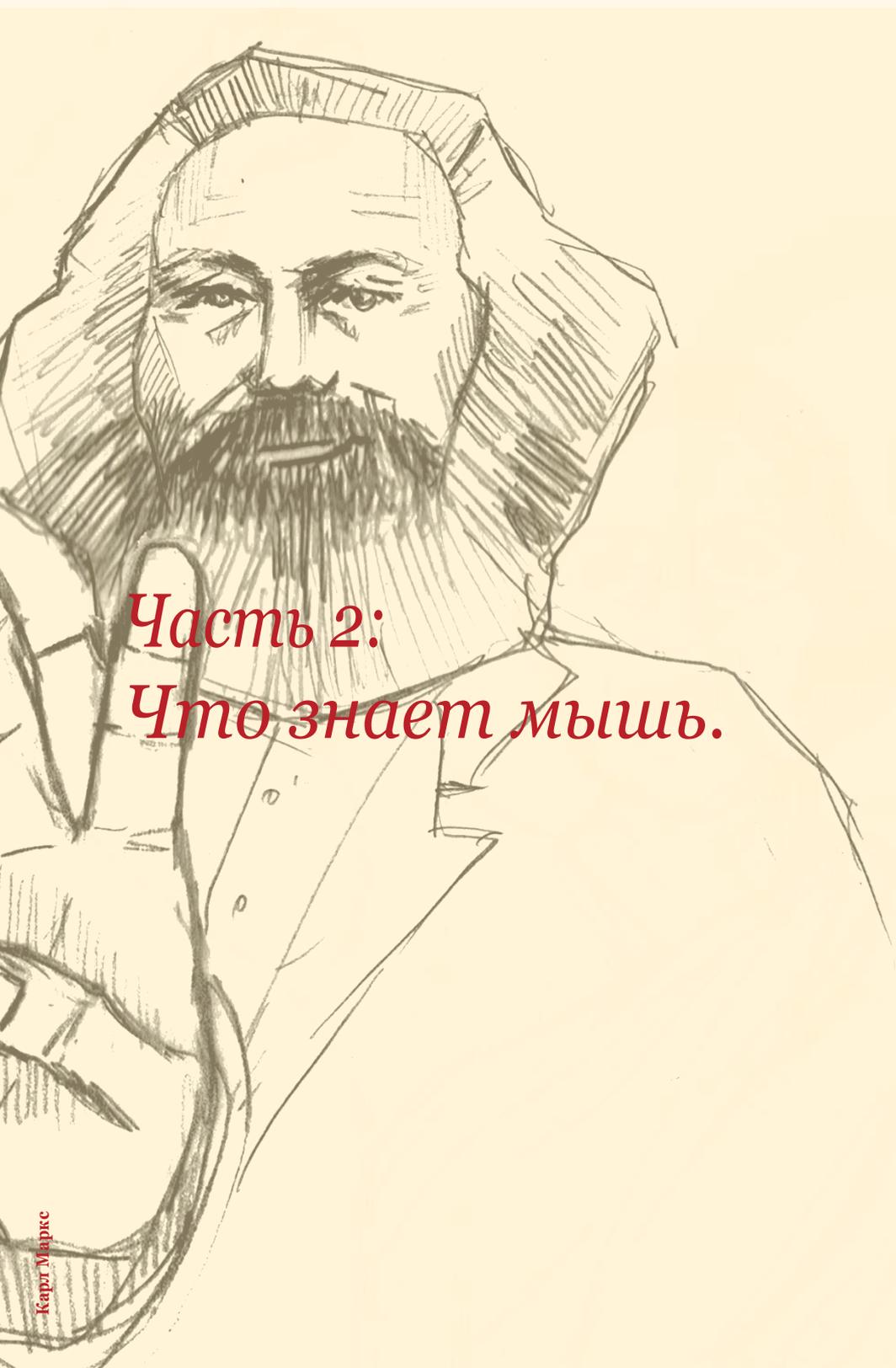
Я не думаю, что эти изменения были исторически неизбежны. Я не могу так думать. Я не могу быть фаталистом, потому что я не думаю, что возвращение капитализма и исчезновение социалистического поля было неизбежным. Я думаю, что субъективные факторы сыграли роль в этом процессе. Были всевозможные ошибки, например разрыв с массами. Если мы окунемся вглубь этого предмета, мы сможем сказать, что были глубокие идеологические слабости, потому что массы далеко отступили от идей социализма, среди которых человеческая солидарность является первостепенной. Настоящие ценности социализма были заброшены, и материальным вопросам с течением времени уделялось больше внимания. Идеологическая часть этого процесса была заброшена, в то время как материальная часть получила больше внимания. Вдруг оказалось, что объективом социализма, в соответствии с высказываниями, речами и документами, было только улучшение стандартов жизни людей каждый год: чуть больше ткани для одежды, чуть больше сыра, чуть больше молока, чуть больше ветчины, больше материальных вещей. Для меня социализм — это полное изменение в жизни людей и создание новых ценностей и новой культуры, которая должна быть основана главным образом на солидарности между людьми, а не на эгоизме и индивидуализме.

Разговоры о солидарности и необходимости основать Кубинское общество на коммунистической морали возымели действие. Это был местный контекст Битвы Идей. На протяжении двадцати лет с момента начала Битвы Идей многое изменилось.

Куба была на короткое время спасена от своего одиночества приходом Боливарианского проекта на Южно-Американский континент. В 1999 году, как только Куба запустила Битву Идей, новоизбранный президент Венесуэлы Уго Чавес посетил Гавану и сказал: “Венесуэла путешествует в сторону того же моря что и Кубинский народ, в море счастья и настоящей социальной справедливости и мира”. В 2004 году Куба и Венесуэла начали торговлю на принципах солидарности, что включало строительство волоконно-оптического кабеля из Южной Америки на Кубу, находящуюся под блокадой. Торговля усилилась, Венесуэльская нефть потекла в сторону Кубы, а Кубинская техническая помощь оказалась желанной в Венесуэле. Но этот период оказался коротким. Империалистическая атака на Венесуэлу и Кубу не заставила себя ждать, с кризисом на Венесуэле, сильно отражающимся на Кубе.

Фрэнсис Фукуяма, чиновник американского госдепартамента, отрёкся от своих слов. Он, в каком-то смысле, отложил на время конец истории. Теперь серьёзно воспринимают книги, которые говорят, что неравенство в доходах и богатстве достигли неприличного уровня. Кредитный кризис 2007 — 2008 спровоцировал многих комментаторов заявить, что идеи Карла Маркса нуждаются в повторном взгляде. В сердце западных стран, переживают второе рождение политики социалистического уклона, в то время как протесты, вдохновившиеся марксистской теорией, раскатились от Окленда (Калифорния, США) до Парижа (Франция). Сигналы о хрупкости правящей гегемонии становятся все более очевидными, когда буржуазия вынуждена пускать вход слезоточивый газ и электрошок. Люди, которых популярно называют 1%, уже не делают вид, что у них есть все решения на все мировые проблемы. Мало осталось тех, кто верит, что приватизации и предпринимательство — это путь в будущее. Даже миллиардеры сомневаются, что они смогут продолжать контролировать мировой порядок. Их закрытых сообществ, защищённых высокими стенами и вооружёнными охранниками, будет недостаточно для того чтобы защитить их от поднимающегося уровня воды, вызванного изменениями климата, и толп атомизированного общества бегущих в их сторону. Сцены израильских атак на палестинцев на границе с Газой и атаки США на мигрантов из Гондураса на границе Рио-Гранде — это проблески того, что грядёт. История не закончилась. Она продолжает диалектически колебаться между Порядком настоящего и Надеждой на будущее.

*Часть 2:
Что знает мышь.*

В своём одиннадцатом тезисе о Фейербахе в 1845, Карл Маркс написал строчку, которая по праву приобрела широкую известность: “Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его”. Что имел ввиду Маркс было ясно — интеллектуалы, его современники, были озабочены интерпретацией человеческой истории. Казалось, что они не хотят ничего менять. Неравенства капитализма их не волновали. Двамя годами ранее Маркс предложил латинский слоган — *muta resora, prona et ventri obedientia* — стадо молчаливо, покорно и подчиняется своему желудку. Это поведение должно было закончиться. Третий тезис о Фейербахе Марса очень часто упускается из виду — очень важно учить самого учителя. Как учить учителя, интеллектуала? “Революционной практикой”, — писал Маркс. Идея “революционной практики” относится в равной степени к отношению к обществу и к обязанности участвовать в трансформации общества. Это отношение к обществу, эта позиция, предполагает, что социальные формы не вечны и не статичны. Они все время в движении. Если они в движении, то возможно бороться, чтобы сделать их более гуманными. Это задача интеллектуала.

Маркс пришёл к выводу, что невозможно отрицать желание перемен. Это было желание трансформировать то, что двигало интеллектуалами, как Маркс в стремлении дойти до сути того, почему существовало такое неравенство и нищета. Это был не просто отказ от буржуазных методов и создание новых систем знания, которые привели их к правде. Их новый метод — Марксизм — не мог быть просто составлен из новых инструментов. Он должен был произвести инструменты базируясь на совершенно новой платформе. Он должен был смотреть на реальность с исторической перспективы и понимать, что концепции временны, исторически

обусловлены. Он должен был понимать, что они пришли от куда-то, а значит могли куда-то идти.

Это был урок, который захватил воображение поколений после Маркса, интеллектуалы из разного классового происхождения и разных национальностей повернулись к своим обществам, чтобы изучить их и их трансформировать. Пришла возможность интеллектуала-освободителя.

Но, этот тип мышления, либо в академической или художественной среде, был в меньшинстве. Большинство интеллектуалов не бросились в освободительные движения. Соблазн старых обязательств, к социальной иерархии, к деньгам и Богу — было не легко избежать. Резкий комментарий Маркса о тех, кто только интерпретировал мир, но не пытались его изменить был направлен в сторону специфического класса интеллектуалов. К тем, что стоят в стороне от мира, и смотрит на себя и на свою работу, как на нечто незатронутое беспорядочностью неравенства и войны, страдания и борьбы. Эти интеллектуалы были частью социальных институтов, но видели эти социальные институты, как вершину горы Олимп — где жили Боги — и не видели себя самих, как продукт государства и общества, которые использовали прибавочную стоимость, чтобы построить эти социальные институты.

У такого-то профессора были такие-то великие идеи. Но кто убирал в их офисах? Кто проводил их исследования? Кто отдал свое время прибавочной стоимости, которая была использована, чтобы дать профессору свободное время? Кто? Таким профессорам все равно. Такие профессора думают, что жизнь должна им освобождение и они могут думать и делать все, что им заблагорассудится. У таких профессоров нет никаких обязательств перед

миром. Такие профессора пишут о мире и видят себя подобными богам — выше всяких противоречий мира, который произвел для них этот профессорский насест.

Такая позиция отстраненности возможна. Она была с нами века. Она защищается высокими стенами и дипломами, охранниками и жаргоном. В действительности, как писал Франц Фанон, такой жаргон опасен. “Бизнес неясного языка”, — писал Фанон, — “это маска за которым стоит более большой бизнес грабежа”. Интеллектуал должен сделать структуру понятной. Мышь, тем временем, которая покусывает бумаги профессора знает, что интеллектуалы живут в мире, что их корни в мире, что у них есть свои классовые пристрастия и что они имеют свои собственные классовые инстинкты. Интеллектуалы, которые преданы проектам рабочих и обездоленных, знают, по словам Фанона, что “все можно объяснить людям, только при одном условии что ты действительно хочешь, чтобы они поняли”.

Самые лучшие из этих интеллектуалов хотят понять мир, привести исторические и транс-исторические объяснения того, что они видят вокруг себя. Но, большинство из них во времена Маркса и наше собственное время, пишут о мире без какого-либо сознания как изменить то, что они наблюдают. Их тексты, это тексты интерпретации, тексты, которые начинаются с отношения к миру которое предполагает её неразрешимый характер. Даже те которые чувствуют проблему и хотят изменить её не обязательно изучают реальность в движении, реальность с возможностью трансформации.

Чтобы прийти к этой позиции, Маркс предлагает в его ключевом предложении (Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его) — это значит

верить в возможность изменения, и найти в настоящем следы, которые ведут в освободительное будущее.

Пол века спустя после того, как Маркс написал эти строчки, итальянский коммунист Антонио Грамши вернулся к теме интеллектуала-освободителя. Грамши был уверен в том, что существовал не один тип интеллектуалов, а много различных типов. Интеллектуальная активность не обязательно подразумевала, что она должна вести к преданности идеям социализма. Большинство интеллектуалов, отметил Грамши, либо относились с неохотой к каким-либо изменениям, либо не видели себя ни как консервативные, ни как освободительные, а скорее, как технические мыслители. Говоря об этом, Грамши предлагает удобный ряд различий между органическими интеллектуалами, традиционными интеллектуалами и интеллектуалами нового типа.

Интеллектуалы не являются классом сами по себе. Они имеют корни в классе, из которого они происходят. Они вырабатывают обязательства к классу, из которого они вышли, или вырабатывают новые обязательства к другим классам. Грамши, в письмах из тюрьмы, говорит ясно об этом:

Каждая социальная группа рожденная на базе необходимой функции в мире экономического производства сама создаёт вместе с самой себя, органически, одну или несколько страт интеллектуалов, которая даёт ей целостность/однородность и сознание своего собственного функционирования, не только в экономической но также и в социальной и политической сферах. Капиталистический

предприниматель создаёт наряду с собой индустриального техника, специалиста в политической экономике, организатора новой культуры, новой законодательной системы и т.д.

Каждый класс, таким образом, производит своих собственных интеллектуалов. Капиталистический класс нуждается в неолиберальном экономисте («специалист в политической экономике») и руководитель по рекламе («организатор новой культуры»). Каждый из этих интеллектуалов представляет себя как нейтральный, надклассовый, исследователь реальности. Но, в действительности, они движимы определённой классовой позицией, определённым видением мира, который предопределен интересами и нуждами капиталистического класса. Это капиталистический экономист кто, к примеру, будет настаивать на том, что голод в мире — это результат нехватки, этот экономист не захочет признать, что в действительности мир производит 150% необходимого количества еды. У крестьянства есть свои собственные интеллектуалы, крестьяне, которые понимают в болезнях посева и в погоде, за советами, к которым обращаются другие крестьяне по поводу проблем посева или за советом по поливу. Это интеллектуалы крестьянства. Каждый интеллектуал органичен его или её классу. Они органические интеллектуалы. Эти интеллектуалы, как отметил Грамши, дают однородность и сознание своей собственной функции “соответствующему каждому интеллектуалу классу”.

Это, тем не менее, интеллектуал доминирующего класса, который может установить свои взгляды на социальную жизнь как универсальные взгляды. Они могут скрыть свою классовую предвзятость через притворство социальной науки, установить категории

и концепты, которые кажутся чистыми вместо того, чтобы казаться застывшими в интересах доминирующего класса. В общепринятой экономике, например, скудность ресурсов/дефицит — это концепт, который даёт форму этой дисциплине. Если скудность — это основной концепт, то дисциплина задаёт главный вопрос: как лучше распределить скудные продукты, ответ на который — это «рынок». Но даже этот «рынок» не нейтральный термин. Он прячет внутри самого себя то, что социальная структура даёт форму рынку, теми кто является достаточно могущественным чтобы определить этот рынок. «Выборы рынка» значат, например, что тем, кто голоден, но не имеет денег не должно быть позволено есть. В наше время, согласно организации по проблеме продовольствия и сельского хозяйства при ООН около миллиарда людей испытывают голод. Это очень консервативное число. Только в Индии около 700 миллионов человек испытывают голод. Рынки, говорят общепринятые экономисты, устанавливают цены, и цены это лучший способ распределить скудные ресурсы. Это кажется нейтральным утверждением, в то время как на самом деле это взгляд интеллектуалов, влившихся в доминирующий класс.

Другие интеллектуалы, укорененные в мировоззрении других классов таких, например, как крестьянство, могут спросить: как может быть так что те, кто производит еду не могут её есть? Как может быть что мир производит больше, чем нужно для удовлетворения голода? Что происходит с излишками еды? Почему правительства уничтожают её раньше, чем позволить накормить ей голодных? Такие вопросы находятся вне притязаний интеллектуального мира созданный интеллектуалами которые адаптировали классовую перспективу элит.

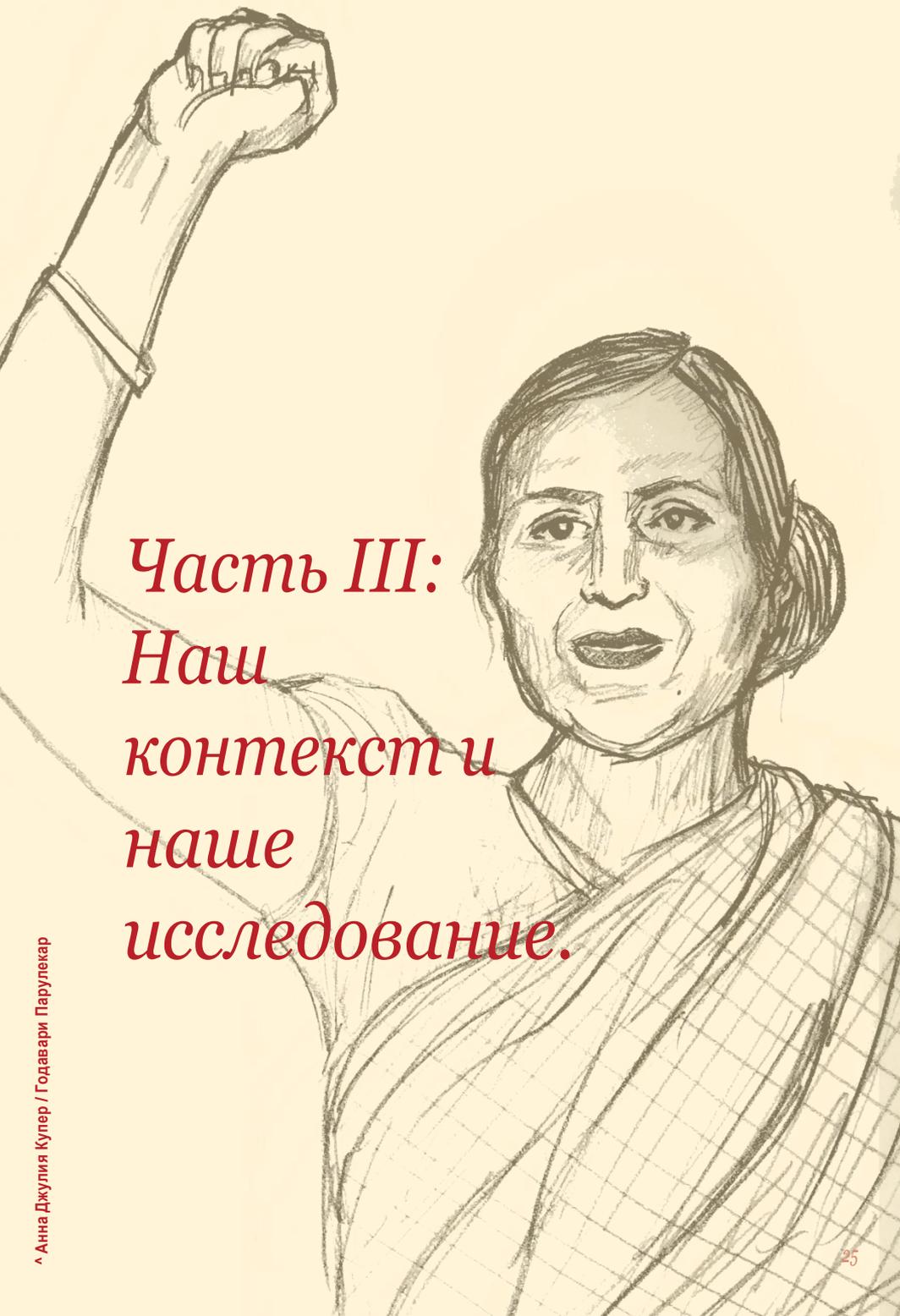
Интеллектуала крестьянина не воспринимают с такой же серьёзностью как интеллектуала капиталистического класса. В каждой социальной формации, доминирующий класс определяет, что логично и что считается правдой. Тем самым, на интеллектуалов доминирующего класса смотрят как на настоящих интеллектуалов, как на традиционных интеллектуалов. Экономист и руководитель рекламы являются традиционными интеллектуалами строя, но ими же являются остатки старых эпох, такие как священники и помещики.

Для Грамши ни органический, ни традиционный интеллектуал, по существу, ни консервативны, ни радикальны. Обычно, традиционные интеллектуалы, укоренившиеся в своём доминирующем классе, консервативны и против системных изменений, которые поколебали бы социальный строй. Органические интеллектуалы других классов обычно находятся под влиянием способов мышления, производимого традиционными интеллектуалами, следовательно, они также чаще всего консервативны и не испытывают большого энтузиазма от изменений. Интеллектуалы крестьян ставшими священниками или юристами стеснены социальным консерватизмом религиозных и судебных институтов. Это отражает комментарий Маркса и Энгельса в Немецкой идеологии: “Главенствующими идеями общества являются идеи управляющих классов”.

Тем не менее, существуют некоторые органические интеллектуалы рабочего класса, которые видят условия их класса, интерпретируют их против главенствующих идей и приходят к радикальному пониманию мира. Их идеи появляются, но могут раствориться если они не связаны в социальном и политическом движении, желательно в какой-либо партии.

Грамши называет этих интеллектуалов — новыми интеллектуалами, тех кто бросает себя в активное участие в практической жизни, в роли конструктора, организатора, постоянного убеждателя. “Постоянный убеждатель, новый интеллектуал”, — отмечает Грамши, — “это человек, который посвятил себя работе облегчить тяжёлую участь людей, развить народное сознание, раздвинуть удушающую узость мысли наружу и освободить больше места для народной борьбы чтобы она могла поддержать себя и победить. Эти новые интеллектуалы не обязательно марксисты, но они без сомнения посвятили себя борьбе ключевых народных классов, и они без сомнения уверены в необходимости бороться чтобы построить социалистический мир”.

*Часть III:
Наш
контекст и
наше
исследование.*

В 1935 году, немецкий драматург марксист Бертольд Брехт написал короткую заметку о капитализме и фашизме: “Те, кто против фашизма, но в то же время не против капитализма, готовы съесть телёнка, но они против того, чтобы видеть кровь. Они будут спокойны, если мясник помоеет руки до того, как взвесит мясо. Они не против отношений собственности, которая порождает варварство; они только против самого варварства.”

“Отношения собственности” которое подразумевает капитализм, в которой небольшое меньшинство мирового населения держит в своих руках огромную массу социального богатства (земля, труд и капитал). Это социальное богатство используется однородно, чтобы нанять человеческих существ и эксплуатировать природу ни для чего другого как для того, чтобы делать деньги из денег, а именно для выгоды. Забота о людях и природе не движет инвестициями этого капитала, жадного по своей природе.

Этот капитал стоит в стороне от человеческой жизни, желая аккумулировать больше и больше капитала не важно за какую цену. То, что движет этим меньшинством, этими капиталистами, это увеличение их прибыли, поиск большей выгоды.

Обойдя вокруг, капиталисты обнаруживают что не существует лёгких и надёжных инвестиций, которые гарантировали бы прибыль. Этот кризис прибыльности ведёт к двум типам забастовок:

- (1) Первый – налоговая забастовка, в которой капиталисты используют свою политическую силу, чтобы уменьшить свое налоговое бремя и увеличить свое богатство.

(2) Второе – забастовка инвестиций, в которой капиталисты прекращают инвестировать в продуктивный сектор, но в место этого помещают свое богатство спекулятивно, чтобы сохранить его.

Эти забастовки капиталистов высасывают социальное богатство из социального использования и осушают экономические перспективы большого количества людей. С увеличением автоматизации и продуктивности, капиталисты начинают замещать рабочих машинами или вытеснять рабочих повышенной эффективностью производственного процесса. В этом случае, инвестируют в машины и в производительность рабочего места, но это имеет такое же действие на общество как и инвестиционная забастовка, а именно что меньше людей имеют работу и больше людей становятся хронически безработными.

Высокий уровень дохода и материальное неравенство вместе потушили стремления на лучшую жизнь среди больших частей населения, приведя к кризису легитимности системы. Люди, которые много работают, но не видят награды за свою работу начинают сомневаться в системе, тем более если они не видят выхода из “отношений собственности”, которые делает их нищими. Общепринятые политики, которые продвигают “отношения собственности” и кто зовёт тех, кто отчаялся в жизни, стать предпринимателями, больше не вызывают доверия.

Мы надеемся предложить примеры возможного будущего, которое построено так, чтобы встретить стремления людей, поделиться проблесками этого будущего, которое существует сегодня.

Сильные люди, такие как Трамп и Болсонару, входят туда, где такое будущее кажется невозможным. Они преуменьшают общепринятых политиков из-за их неудавшихся проектов, но потом они не предлагают никаких последовательных решений на возрастающий кризис. Вместо этого, сильные люди обвиняют незащитных за потухшие стремления подавляющего большинства людей. Среди этих незащитных социальные меньшинства, мигранты, беженцы, и любой, кто социально бессилен. Клыки сильных людей скалиться на слабых, на кого направлен гнев тех, у кого высокие стремления, но кто не может воплотить свои стремления. Империалистические войны, которые начинаются от центральной Азии образуя арку до Южной Америки усиливаются. Фиговый лист гуманитарного вмешательства плохо прикрывает реальность реколониализации и грабежа ресурсов. Сильные люди привлекают разочарования людей без того, чтобы предложить какой-то вменяемый выход из ситуации высокого неравенства и экономической турбулентности.

Одной из теорий объясняющей эту проблему является недопотребление. Общий тон этой теории в том, что производимые продукты не могут быть куплены массами населения, потому что у этих людей нет достаточного дохода, чтобы купить их. Это проблема со стороны спроса. Если есть способ увеличить количество денег даваемую массам населения, тогда они смогут потреблять с большей силой и спасти капитализм из его кризиса.

Один из способов решить эту проблему недопотребления — это увеличить предложение личного кредита людям, которых потом будут

побуждать, с помощью рекламы, жить вне своих средств. Они войдут в долги, но их потребление, в этом состоит надежда, будет стимулировать экономику из кризиса. В конце концов, эти люди не смогут расплатиться по своим долгам. Их долг разрастется и создаст серьёзные экономические проблемы. Правительства будут вынуждены брать в долг, чтобы ослабить ношу банков, когда те, кто брал в долг станут банкротами. Когда правительства берут в долг, чтобы спасти банки, они берут на себя обязанности банков. Это накладывает давление на правительства сократить свой собственный бюджет, сокращаются в основном расходы на социальные нужды. Предложения личных кредитов банками, чтобы разрешить проблему недопотребления обычно заканчивается правительством в долгах и потом политикой жёсткой экономии.

Второй подход к проблеме недопотребления — это когда правительство даёт инициативу потребителям через сокращения налогов или через схему прямого трансфера наличных средств. В любом случае, государство передаёт свои деньги людям и поощряет их покупать товары и стимулировать экономику. И снова, это государство уходит в долги, чтобы спасти капитализм. Снова долг разрастется, и правительство будет вынуждено принять политику жёсткой экономии, чтобы задобрить своих кредиторов и МВФ. Снова, это приведёт к политике жестокой экономии, что снова понизит покупательскую способность людей.

Этот круг продолжиться, как он продолжился от Аргентины до Индонезии.

Либо отдельные люди и семьи или правительство войдёт в долг, чтобы увеличить совокупность потребления и спасти капитализм от него самого. Этот метод не требует

от капитала жертвовать чем-либо. Ему позволяют преследовать стратегию прибыльности.

Капитал ищет пути увеличения прибыльности различными методами, например:

(1) Заменить людей машинами или заставить людей быть более эффективными. Это позволяет компаниям нанимать меньше людей, пользоваться автоматизацией и выгодой продуктивности используя это в повышении конкурентоспособности, для уничтожения своих конкурентов.

(2) Переместить заводы в места, где уровень заработной платы ниже и где регуляции рабочих мест и окружающей среды подавляются.

(3) Уменьшить налоговую ношу пойдя на налоговую забастовку, переместив свои деньги в налоговые гавани.

(4) Переместить свой капитал из продуктивной деятельности в финансы, торговлю и в поиск арендной деятельности.

(5) Купить государственные активы за небольшие деньги и потом монетизировать их в поисках выгоды.

Эти стратегии позволяют капиталистам увеличить свои богатства, но в то же время доводят до обнищания других людей и общество.

Людей призывают быть патриотичными. От капитала ждут только быть доходным.

Левых эта ситуация ставит перед серьёзными вызовами. Первый ряд вызовов — это найти способы организовать людей, которые находят свое общество разбитым и свои ожидания неоправдавшимися. Второй ряд вызовов

включает в себя проблемы по поиску политических выходов из этой системы и её ограничений.

Какие вызовы стоят перед нами, чтобы организовать людей против этой труднопреодолимой системы?

(1) **Стремления.** На протяжении пяти десятилетий капиталистические СМИ и индустрия рекламы создали ряд устремлений, которые сломали культуру рабочего класса и крестьянства и в том числе традиционные культурные миры прошлого. Молодые люди теперь ожидают большего от жизни, что само по себе хорошо, но эти ожидания теперь менее социальные и более индивидуальные, с индивидуальными надеждами, привязанными к продуктам одного типа или другого. Быть свободным теперь значит покупать. Покупать значит жить. Это девиз капиталистической системы. Но те, кто не может позволить себе покупать, и кто идёт брать в долг чтобы реализовать свои стремления также остаются постоянно разочарованными. Это разочарование Сильные люди направляют в сторону ненависти. Может ли левое движение направить это разочарование в сторону продуктивной надежды?

(2) **Атомизация.** Сокращения государством социальных услуг, все усиливающаяся приватизация социальной жизни и астрономическое увеличение интеракций с виртуальным миром увеличил атомизацию человеческих отношений. Там, где прежде люди обменивались идеями и товарами, помогали друг другу и вдохновляли друг друга теперь все меньше и меньше мест, где люди могли бы взаимодействовать лицом к лицу. Фрагментация общества и усталость людей от борьбы за существование утяжелило задачу для левых

соединить людей чтобы создать социальное изменение. Телевидение и социальные медиа теперь доминируют мир коммуникаций. Ими владеют монопольные капиталистические фирмы. Левые всегда полагались на общественные институты, чтобы распространять свои взгляды. По мере того как эти общественные институты фрагментируются, левые исчезают. Смогут ли левые движения помочь заново построить эти общественные институты и процессы, это общество которое является нашей основой.

(3) **Аутсайдеры.** Сильные люди показывают пальцем на «аутсайдеров» — социальные меньшинства, мигранты, беженцы и кто угодно, кто социально бессилён. Это против этих людей праворадикалы могут построить свою силу. Не может быть никакого левого возрждения без уверенной и полной защиты «аутсайдера», полное отвержение фашистских идей ненависти и биологии, которые пропитывают общество. Тяжелее построить политику любви чем политику ненависти. Смогут ли левые движения развить политику любви, которое привлечёт массы населения?

(4) **Уверенность.** Народная политика основана на уверенности. Если люди не уверены в том, что смогут своей активностью реформировать или изменить систему они не будут активны. Волны протестов часто приводят к росту уверенности, но даже здесь нужно ставить акцент не на последнем человеке кто присоединился к протесту, а к первым нескольким кто создал группу что бы организовать протест. Социальное разложение ведёт к отсутствию уверенности в возможности произвести политическое изменение, в особенности, когда общество стремления предлагает, что единственное

необходимое изменение это для каждого стать предпринимателем. Могут ли левые дать почувствовать что будущее возможно, и вселить уверенность в людях, что можно бороться, чтобы построить это будущее?

(5) Демократия без демократии.
В обществах, где нет демократии, это прямая проблема. В таких местах главная задача это добиться полнейшей демократии. В тех обществах, где демократия — это главная форма, или по крайней мере существует иллюзия демократии, олигархия и империализм пользуются различными методами чтобы подорвать демократию, чтобы доминировать общество без отмены демократии. Методы, которые они используют искусны, они включают в себя делегитимизацию институтов государства, подрыв значения выборов, использование денег чтобы коррумпировать выборный процесс, использование социальных сетей и рекламы для уничтожения оппозиционных кандидатов и использование наименее демократических институтов демократии, таких как невыборная судебная система, чтобы свести на нет силу выбранных должностных лиц. Могут ли левые защитить идею демократии от этого изнашивания без того, чтобы свести демократию к выборам и избирательной системе?

Когда ты уже организовал людей чтобы двигаться к новой мировой системе, какой политический фреймворк нужно адаптировать? Это здесь, где интеллектуалы должны приложить свои душу и сердце к работе. Нам нужно хорошенько подумать о различных креативных способах использования нашего социального богатства, чтобы решить неотложные проблемы человечества — голод, болезни, климатические катастрофы.

Мы должны найти способы, чтобы искоренить основы для войн. Мы должны использовать наше социальное богатство, должны использовать нашу креативность, чтобы реконструировать продуктивный сектор вокруг таких форм как кооперативы. Мы должны использовать социальное богатство, чтобы обогатить самих себя культурно, создать больше физических мест, чтобы общаться, создавать культуру и искусство. Мы должны использовать наше социальное богатство, чтобы создать общество, которое не заставляет людей работать, чтобы выжить, а подчинить эту работу человеческой изобретательности и страсти.

Одна из ключевых целей нашего института — это развитие теории будущего. Какие элементы будущего доступны сегодня? Недостаточно исследовать проблемы настоящего. Необходимо, чтобы мы участвовали в разговоре о том, как будет выглядеть трансформированное общество. Поэтому мы изучаем проекты в настоящем, которые поощряют новые способы жить и новые способы производить. Одной из главной отрицательной стороной сегодняшней инфляции жестокости — это то чувство, что ничего кроме этого кошмара невозможно. Альтернативы нельзя себе представить. Насмешки отодвигают в сторону мысли о другом будущем. Когда делаются такие попытки, те кто у власти, делают все чтобы свести их на нет. Для сильных мира сего и для имеющих собственность выгоднее, чтобы ни одной альтернативной модели было бы позволено расцвести. Потому что это бы поставило под вопрос заявление о том, что то, что управляет сегодняшним миром вечно, что История — закончилась.

Жестоко думать, что эти надежды наивны. Говорит о многом тот факт, что легче вообразить конец света чем конец капитализма, вообразить, что полярная ледяная шапка затопит нас и приведёт нас к вымиранию чем вообразить мир, где наши продуктивные способности обогатят нас всех. Так много говорит о человечестве тот факт, что мы хотим сконцентрироваться скорее на уничтожении чем на жестах человеческого потенциала, проблески которого могут быть увидены в кооперативах Кералы и в движении рабочих, ограниченных в правах, в Аргентине, что мы отворачиваем наши лица от миров построенных безземельными рабочими в Бразилии и жителями трущоб в Южной Африке. Это не события, над которыми надо издеваться, не инициативы, над которыми нужно насмехаться. Посреди этих событий можно увидеть семена будущего. В них заложен альтернативный путь человечества.

Tricontinental: Institute for Social Research
*is an international, movement-driven institution
focused on stimulating intellectual debate that serves
people's aspirations.*

www.thetricontinental.org

Instituto Tricontinental de Investigación Social
*es una institución promovida por los movimientos,
dedicada a estimular el debate intelectual al servicio
de las aspiraciones del pueblo.*

www.eltricontinental.org

Instituto Tricontinental de Pesquisa Social
*é uma instituição internacional, organizado por
movimentos, com foco em estimular o debate
intelectual para o serviço das aspirações do povo.*

www.otricontinental.org